

сияет на злыя и благия» (Симони, стр. 139). В разделе «О мужьстве и о крепости» читаем рассказ о Лаконе: «Сыи поносим не от кого, зане, хром сы, вьшел в полк. Он же рече: Не бегающих потреба ныне, но стоящих. Не ногами бо копати ныне время, но руками бити крепко» (стр. 43). Там же помещен рассказ о царе Александре: «Сеи молим мы от дружины ночью напасти на супостаты. И рече: Не цесарьския есть крепости победа» (стр. 43). О нем же повествует и другой рассказ: «Сеи молим сы от дружины прижити чада, и рече: Не скорбите, оставляю бо вам чада — победы, их же добыи трудом своим» (стр. 43). Понятия о воинской чести, о мужестве иллюстрирует и еще один эпизод из повестей об Александре Македонском: «Сему идущу на рать, Аристотель рече: Дожди свершена възраста, тогда воюи. Он же рече: Боюся, егда когда, жда свершена възраста, и уностьную крепость испущу» (стр. 43).

Итак, о сложности человеческого характера и поведения, о свойственной им противоречивости, об ответственности человека, свободно выбирающего свои поступки, говорили многие поучения, вошедшие в русскую литературу уже в старшем периоде. Вместе с афористическими сборниками они призывали проверять свои побуждения к поступкам, бороться с дурными «обычаями» — привычками. И если афоризмы в обобщенной форме советовали, предупреждали, осуждали или одобряли тот или иной характер поведения, то «поучения», «слова», «малые притчи» наглядно иллюстрировали общие мысли. Остроумными ответами иллюстрируются рассуждения и наблюдения «о братолюбьи и о дружбе». Так, о Тимонаксе повествуется: «Некто от друг его поношаше, глаголя: Не подобаше тебе дружбы имети с моим врагом. Он же отвеща: Тебе не подобает вражды имети с моим другом» (стр. 58).

Обращает на себя внимание план подобных рассказов: одна сторона в них «поносит», «молит», осуждает, другая дает свое решение, и составитель Пчелы явно на стороне отвечающего. Так строится и рассказ об Агисилаосе: «Некто перескок прииде к нему из немецъ, а властелем велящим ему поручити вои свои. И рече: Не подобает поручити чужих побегшему от своих» (стр. 72).

Остроумным анекдотом в разделе «О благодете» высмеиваются ложные обещания: «Дионисии цесарь, слушая гудьца, добре гудуща, обеща ему дар дати — капь злата. Утру же бывшую и приде гудецъ просит обещаного. Он же отвеща: Ты вчера гуда възвеселил мя еси песньми, а яз тако же обещаньей възвеселил вас. Ныне же отиде от ушью моею веселие твое, а от тебе упованье мое» (Пчела, стр. 89—90).

Если, как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, в летописном монументальном стиле XI—XIII вв. были меньше отражены представления о внутренней жизни людей, чем в церковнопроповеднических произведениях XI—XIII вв., то это объясняется различием задач, стоявших перед летописцем и проповедником (см.: Человек в литературе, стр. 156). Добавим, что меньше отражены эти представления и в агиографическом, историческом и повествовательном стиле вплоть до XVII в., хотя отдельные эпизоды в каждой из этих жанровых групп показывают, что наблюдательность, воспитанная у писателей не без воздействия учительных жанров (поучения, афоризмы), проявлялась в метких психологических деталях. Такие детали, бросающие свет на внутренний мир человека, раскрывающие побуждения к поступкам, колебания, сомнения и другие настроения, мы найдем и у летописцев, и у агиографов, и у историков-повествователей. Но до тех пор пока главная задача изображения человека в разных жанрах состояла в том, чтобы показать поступки людей